

Уехать навсегда и всю жизнь возвращаться

Если кто захочет найти городок Ред Клауд на карте США, пусть ищет почти ровно посередине, чуть к северу от прямой линии, отделяющей штат Небраска от штата Канзас; учтите, что слова написаны самыми мелкими буквами. Крохотный населенный пункт был назван именем индейского вождя (Алое Облако), который в конце 1860-х годов бросил воевать с белыми и подписал с ними мир. Он вывел свое племя в резервацию, долго еще торговался с властями, а под конец жизни высказался так: «Нам много обещали, больше, чем я могу припомнить. Но сдержали они только одно обещание — забрать нашу землю. Они ее забрали».

На землю, которую забрали, устремилось множество новых хозяев в надежде на новую и лучшую жизнь. Среди них был неудачливый овцевод из штата Виргиния Чарльз Кэсер, он приехал в 1883 году с женой и девятилетней

дочкой Уилеллой — Уиллой. С фермерством тоже не повезло, и растущее семейство вскоре переместилось в Ред Клауд. Городок стал к этому времени железнодорожным узлом на линии Чикаго — Денвер, насчитывал более двух тысяч душ (сегодняшнее его население вполонину меньше) и смотрел в будущее с оптимизмом. По Главной улице — от депо до городского центра — курсировала конка. Имелись почта и банк, суд и аптека, церковь и оперный театр, расположившийся во втором этаже над магазином скобяных товаров. Этот городок под разными псевдонимами (в «Песне жаворонка» он называется Мунстоун) будет фигурировать во множестве рассказов Уиллы Кэсер и в шести из двенадцати ее романов. Городок — и обнимающая его прерия. В этих местах Уилла Кэсер прожила около десятка лет, но получила впечатления яркие и глубокие, которыми питалось потом ее творчество. Но чем же было питаться в этакой глухомани?

В молодой и по преимуществу аграрной стране, распространившейся от океана до океана, как раз в это время назревали перемены. Критическая их точка придется на пока далекий 1920 год, когда очередная перепись населения США покажет: впервые в истории число проживающих в больших городах превысило число проживающих в городках (до 5 тысяч человек) и на фермах — совсем чуть-чуть, на два с небольшим процента, но Рубикон перейден, и прежней страна уже не станет. В 1921 году журналист Карл ван Дорен публикует громкую статью про «антиаграрный бунт» (“The Revolt from the Village”) в литературе и культуре США, приводя в пример «Антологию Спун Ривер» (1915) Эдгара Ли Мастерса, «Уайнсбург, Огайо» (1919) Шервуда Андерсона, «Главную улицу» (1920) Синклера Льюиса, в которых выстраивалась яркая оппозиция

городка и города¹. В неторопливой рутинности жизни маленького городка были, разумеется, свои радости, но человек талантливый рвался вон, бежал прочь при первой возможности, в этом смысле герои названных книг повторяли путь, уже ранее пройденный их авторами. Испытывали ли Льюис, Андерсон, Мастерс, Драйзер отвращение (второе значение слова *revolt*) к малой родине или некое более сложное чувство? Вопрос спорный. В отношении Уиллы Кэсер, которая, несомненно, принадлежит к этой поросли среднезападных «почвенных» талантов, это тем более верно. К «гению» мест, которые не были для нее родными по рождению, но таковыми стали, она очень чувствительна.

Первое впечатление встречи с прерией — ощущение громадности и мощи: «Кругом была только земля — не сады, не пашни, а то, на чем их создают... Мне чудилось, что весь мир остался далеко позади, что мы покинули его пределы и очутились в местах, человеку неподвластных...» Человек как будто бы исчезал, превращался в ничто между небом и землей, в море травы, шумящей, подвижной, словно куда-то бегущей. Пустота прерий оставляла вас равнодушной или рождала пожизненную преданность и «зеркальное» чувство пронзительного одиночества. Оно, в свою очередь, могло стать источником слабости или силы, разъедающей, темной тоски или упрямого доверия к себе.

Прерия для Кэсер — не только место, но и люди. Девочка-подросток, разъезжавшая на пони по соседским фермам, не подозревала, конечно, что в ней живет невидимо будущая романистка, но память собирала впечатления про за-

¹ Деревень и поместий Новый Свет, в отличие от Старого, не знал, да и понятия «провинция» в европейском смысле этого слова в США не было: для американской символической географии не характерна оппозиция центра и периферии.

пас. Соседями были вчерашние шведы, норвежцы, немцы, чехи (англосаксы на новой территории оказались в меньшинстве), и в своих воспоминаниях Кэсер особенно выделяла разговоры, которые вели с ней старые женщины, плохо говорившие по-английски, но тем охотнее толковавшие про далекую, навсегда исчезающую жизнь.

«Я никогда не испытывала интеллектуального возбуждения более острого, чем то, что я чувствовала, проведя утро с какой-нибудь из этих старух, пока та пекла хлеб или сбивала масло. Я ехала потом домой в странном волнении... Мне все казалось, будто бы я на время превращалась в другого человека».

Жизнь в Ред Клауде и вокруг была скудна, однообразна, но были в ней и неожиданно «космополитическая» пестрота, деревенская простоватость и трофеи привозной культуры. У продавца в местной лавке Уилла брала уроки греческого и латыни, другой заезжий чужац-неудачник учил ее музыке, семья соседей-иммигрантов делилась знанием французского и немецкого языков, а местный доктор позволял сопровождать его, когда ездил с визитами... Большинство из них под измененными именами встречаются в «Песне жаворонка».

Шестнадцати лет, окончив местную школу (в выпускном классе было всего три человека), Уилла принимает странное для девочки решение поступать в университет Небраски в Линкольне и учиться там на врача. Но вопреки первоначальному плану увлекается журналистикой, начинает писать и вскоре уже ведет свою колонку в университетской газете, снабжает городские издания отзывами и рецензиями, на гонорары поддерживая семейство в Ред Клауде. В двадцать два года она получает место редактора в женском журнале в Питсбурге, спустя десяток лет приглашена редактировать популярнейший журнал МакКлюра в Нью-Йорке.

Карьера складывается на зависть, но Кэсер с ней расстается без особой жалости. Она уже публикует в это время стихи, рассказы, берется за роман — не очень, правда, уверенно. Действие романа «Мост Александра» (1912) разворачивается в Лондоне, и понятно почему: там настоящая жизнь, в кукурузной глубинке жизни нет. Роман, увы, никого не впечатлил, а автора скорее обескуражил, и следующую книгу она решает писать «сугубо для себя», особо не рассчитывая на интерес аудитории. Но интерес как раз просыпается, и роман «О, пионеры!» (1913) Кэсер всегда считала полноценным первенцем. Если сравнивать письмо с верховой ездой, поясняя она, то «Мост» был похож на прогулку по парку в компании с кем-то не очень близким, с кем вынужденно поддерживаешь разговор, а «Пионеры» — это езда с охотой и удовольствием, ясным утром, по знакомой местности, на лошади, которая сама знает дорогу. Два года спустя выходит «Песнь жаворонка» (1915), потом «Моя Антония» (1918). Так складывается трилогия о прерии — бесспорно лучшее из всего написанного Уиллой Кэсер.

Второй роман трилогии — «Песня жаворонка», он же и самый личный. Уилла Кэсер и Тея Кронборг — одно лицо почти буквально: сравните описания героини романа (широкое, решительное, «словно вырубленное топором», говорящее об энергии и воле) с фотографиями автора! Портрет художника в юности разворачивается в историю поисков себя и самоутверждения. Другой прототип Теи Кронборг — Оливия Фремстад (1871–1951). Девочка из иммигрантской семьи начала с пения в церковном хоре в глуши Миннесоты и стала оперной дивой, прославилась как исполнительница многих партий в операх Вагнера (Кэсер брала у нее интервью для журнала МакКлюра и несколько раз слушала в Метрополитен-опера в Нью-Йорке).

У будущей певицы в романе и будущей писательницы в реальности была одна на двоих каморка на чердаке многодетного семейного дома — драгоценное личное пространство, о назначении которого сказано так: «В течение дня, забитого делами, она была одним из детей Кронборгов, зато ночью становилась другим человеком... Словно у нее была назначена встреча с остальной частью себя — когда-нибудь, где-нибудь. Она двигалась вперед, чтобы встретиться со своей другой половиной, а та шла навстречу, чтобы соединиться с ней».

Когда Тея Кронборг впервые попадает в Чикагский институт искусств (один из старейших художественных музеев в США), она рассматривает собранные там европейские полотна изумленным взглядом юной Кэсер. И видит, например, «Песнь жаворонка» (1884) Жюль Бретона: крестьянская девочка с серпом в руке — на фоне выползающего из-за горизонта солнца — застыла, вслушиваясь в трели, звучащие с высоты. В романе мы читаем: «Плоская равнина, ранний утренний свет, влажные поля, выражение грубоватого лица девушки — пусть ничего особенного, но все это было для Теи родным». Поскольку узнаваем для нее этот момент самозабвения — пробуждения еще не осознаваемой способности к творчеству.

То же и музыка, которую слушали девятнадцатилетняя Уилла в Линкольне в декабре 1897 года, а потом Тея в Чикаго. Девятая симфония Дворжака «Из Нового Света» ошеломляет героиню романа, как ранее автора, тем, насколько точно в ней переданы ощущения «новой души в новом мире»: «Здесь были песчаные холмы, кузнечики и саранча — все, что просыпается и стрекочет ранним утром, бескрайняя протяженность нагорий, неизмеримая тоска всех плоских земель». Когда же после симфонического концерта она выходит в толпу, спешащую по Мичиган-авеню

под шквальным ветром с озера, в отсветах заката, похожего на пожар, настоящее музыкально смыкается с прошлым, и «почти впервые» Тея-Уилла осознает, что большой город, жестокий и мощный, требовательный и щедрый, в чем-то родственен городку ее детства, затерянному среди прерий.

Так Уилла Кэсер нашла свою тему. Ироническим образом высшую из многих своих литературных наград — Пулицеровскую премию — она получит за роман далеко не самый сильный («Один из наших», 1922) и трактующий сюжеты, связанные с Первой мировой войной, усвоенные писательницей из вторых рук (батальные сцены, как ревниво и едко заметит Хемингуэй, откровенно заимствованы из кино). Не склонная оправдываться, она пояснит: «Репортер может с одинаковым успехом писать обо всем, что видит, писатель покажет лучшее, на что способен, только работая с тем, что отвечает объему и характеру его глубочайших симпатий».

Помимо темы, Кэсер нашла свой стиль. Дотошная описательность, ассоциируемая часто с литературным реализмом или натурализмом в духе Драйзера, ей претит. «Легкое прикосновение кисти художника ничего общего не имеет со старательностью декоратора витрин в универмаге, — говорила она, — текст должен быть прост, экономен, подобен прозрачному воздуху прерий». Когда в романе много воздуха, в нем возникает самое ценное — «тон, скорее угадываемый ухом, чем слышимый». В «Песне жаворонка», кстати говоря, ей самой не нравились длинноты, рыхлость композиции, избыток подробностей. Она правила и сокращала текст, готовя переиздания, но, похоже, это было сражение с самой собой: требовательному художнику противостоял «вспоминатель» и никак не желал сдаваться.

Воздухом прерий Уилла Кэсер приезжала дышать до тех пор, пока в Ред Клауде жили остатки семьи. Иной раз

Уилла Кэсер

говорила, что готова осесть на земле, но нет, никогда не оставалась — уезжала, убегала, пугаясь одиночества и изоляции и... унося их в себе. На Рождество 1931 года она приехала в последний раз (к этому времени уже умерли мать и отец), отперла старый дом, провела в нем несколько дней и вернулась в свою роскошную квартиру на Парк-авеню в Нью-Йорке. В отличие от Гертруды Стайн и младших современников-экспатов (того же Хемингуэя) она никогда не уезжала из Америки надолго. Но с противоречивым переживанием ностальгии и отчужденности, принадлежности месту и ничему-не-принадлежности была слишком хорошо знакома и больше всего в жизни ценила независимость, личную автономию, недоступность для публичной лести и критики.

Городок Ред Клауд сегодня стал по сути музеем Уиллы Кэсер: с 2017 года здесь находится Национальный центр ее имени. В доме, где прошло ее детство, сохранились мебель и бытовые мелочи, вроде будильника и кофемолки, их показывают туристам. Сохранилась комнатка на чердаке — неприязнательное на вид место силы, откуда взмыл жаворонок немалого литературного таланта (аутентичные обои закрыты плексигласом, так как слишком много охотников отодрать кусочек на память). А похоронена Кэсер далеко от этих мест, в Нью-Гэмпшире. Для надписи на могильном камне выбраны слова из «Моей Антонии», описывающие первую встречу с прерией: *«Это и есть счастье: раствориться в чем-то огромном и Вечном».*

Татьяна Венедиктова,
доктор филологических наук,
профессор филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

ЧАСТЬ I

*Друзья
детства*

I

Доктор Говард Арчи только-только вернулся после партии в бильярд с евреем-портным и двумя коммивояжерами, которым привелось заночевать в Мунстоуне. Клиника располагалась в здании, которое называлось Дбюк-Блок, на втором этаже, над аптекой. Ларри, слуга доктора, предусмотрительно зажег верхний свет в приемной и двойную лампу с зеленым абажуром на столе в кабинете. Слюдяные стенки угольной жаровни светились, и в кабинете было так жарко, что доктор, придя, сразу открыл дверь в смежную комнату — маленькую неотапливаемую операционную. Чопорная обстановка приемной с ковром на полу отчасти напоминала провинциальные гостиные. В кабинете полы были истертые, некрашенные, но в целом он выглядел уютно, особенно зимой. Письменный стол — большой, сработанный на совесть; бумаги на нем лежали аккуратными стопками, придавленные стеклянными пресс-папье. За печкой стоял большой

книжный шкаф, от пола до потолка, с двумя застекленными дверцами, заполненный разноразмерными и разноцветными книгами по медицине. Самую верхнюю полку занимал длинный ряд, тридцать-сорок томов в одинаковых темных картонных переплетах с мраморным узором и дерматиновыми корешками.

В Новой Англии врачи обычно пожилые, а вот в маленьких городках Колорадо четверть века назад врачи, как правило, были молоды. Доктору Арчи едва исполнилось тридцать. Он был высокий, с массивными, будто негнушимися плечами и большой головой красивой формы. В целом он выглядел импозантно — во всяком случае, для тех мест.

Было что-то необычное в том, как его рыжеватокаштановые волосы, аккуратно разделенные на боковой пробор, густо падали на лоб. Нос у него был прямой и толстый, глаза умные. Он носил кудрявые рыжеватые усы и эспаньолку, аккуратно подстриженную, придававшую ему некоторое сходство с портретами Наполеона III. Кисти рук, крупные и тщательно ухоженные, но грубоватой формы, обросли с тыльной стороны курчавой рыжей шерстью. Доктор ходил в диагональном синем шерстяном костюме. Коммивояжеры с первого взгляда узнавали, что костюм пошит портным в Денвере. Доктор всегда хорошо одевался.

Доктор Арчи прибавил огня в лампе и уселся в крутящееся кресло перед столом. Он сидел беспокойно, барабанил пальцами по коленям, и оглядывался вокруг, словно сучая. Он поглядел на часы, потом достал из кармана небольшую связку ключей, отделил один

ключ и осмотрел его. Едва заметная презрительная улыбка играла на губах доктора, но глаза оставались задумчивыми. За дверью, ведущей в прихожую, висел тулуп из шкуры бизона, который доктор надевал в поездках. Тулуп прикрывал запертый шкафчик. Доктор машинально открыл его, отпихнув ногой кучу грязных калош. В шкафчике на полках стояли стаканы для виски, графины, лимоны, сахар и горький бальзам. В пустой гулкой прихожей за дверью слышались шаги, и доктор снова закрыл шкафчик, защелкнув йельский замок. Дверь приемной отворилась, через нее прошел мужчина и направился в консультационную.

— Добрый вечер, мистер Кронборг, — беспечно сказал доктор. — Садитесь.

Гость был высокий, худосочный, жидкая каштановая борода подернута сединой. На нем был сюртук, широкополая черная шляпа, белый линоновый шейный платок и очки в стальной оправе. По тому, как он приподнял полы сюртука и сел, было видно, что это человек с большими претензиями и сознанием собственной важности.

— Добрый вечер, доктор. Не пройдет ли со мной? Я полагаю, что у миссис Кронборг сегодня вечером возникнет нужда в ваших услугах.

Он говорил с глубокой серьезностью и почему-то с легким замешательством.

— Нужно торопиться? — спросил доктор через плечо, выходя в операционную.

Мистер Кронборг кашлянул, прикрыв рот ладонью, и сдвинул брови. Было видно, что он вот-вот

расплывется в глупой восторженной улыбке. Он сдерживался только благодаря самоконтролю, приобретенному годами чтения проповедей с амвона.

— Я полагаю, лучше идти немедленно. Миссис Кронборг будет спокойнее в вашем присутствии. Она страдает уже некоторое время.

Доктор вернулся с черным саквояжем и бросил его на стол. Написал распоряжения слуге на рецептурном бланке и натянул тулуп.

— Я готов, — объявил он и потушил лампу.

Мистер Кронборг поднялся, и вдвоем они прошли через пустую приемную, спустились по лестнице и вышли на улицу. В аптеке на первом этаже было темно, а салун в соседнем доме как раз закрывался. Больше на главной улице не светило ни одно окно.

По обе стороны проезжей части и на внешнем краю дощатого тротуара снег сгребли в брустверы. Городок был маленький и черный, словно сплюснутый, приглушенный и почти задушенный слоем снега. Над головой сияли величественные звезды. Их невозможно было не заметить. Воздух был такой прозрачный, что белые песчаные барханы к востоку от Мунстоуна мягко поблескивали. Следуя за преподобным мистером Кронборгом по узкому тротуару мимо темных спящих домишек, доктор поднял глаза на сияние ночи и тихо присвистнул. По-видимому, люди и впрямь слишком глупы; как будто в такую ночь нельзя придумать занятие лучше девятичасового сна или помощи миссис Кронборг в задаче, с которой она восхитительно справлялась и без посторонней помощи. Доктор пожалел, что не поехал

в Денвер послушать, как Фэй Темплтон поет «Качели». Потом вспомнил, что к этой семье у него все-таки есть и свой интерес. Путники свернули на очередную улицу и увидели перед собой освещенные окна: низкий дом с мезонином, с пристроенным справа флигелем, а на задворках — кухней. Казалось, что всё в этом доме чуточку косо: и скаты крыш, и окна, и двери. Подходя к воротам, Питер Кронборг ускорил шаг. Он покашливал, словно готовясь читать проповедь, и этот кашель раздражал доктора. «Будто на кафедру залез», — подумал он, стащил перчатку и пошарил в кармане жилета.

— Возьмите пастилку, Кронборг. Мне их присылают как образцы. Очень хороши, если в горле дерет.

— Ах, благодарю вас, благодарю вас. Я несколько спешил. Пренебрег надеть калоши. Вот мы и прибыли, доктор. — Кронборг открыл парадную дверь, явно счастливый, что оказался дома.

В передней было темно и холодно; на вешалке висело удивительное количество детских шляпок, кепок и плащей. Они также образовали ворох на столе под вешалкой. Под столом валялись кучей калоши и ботики. Пока доктор вешал тулуп и шапку, Питер Кронборг открыл дверь в освещенную гостиную; на пришедших пахло душным горячим воздухом с запахом подогретой фланели.

*

В три часа ночи доктор Арчи в гостиной надевал запонки и пиджак — спальни для гостей в этом доме не было. Над седьмым ребенком Питера Кронборга,

мальчиком, суежилась и ворковала его тетя. Миссис Кронборг уснула, а доктор собирался домой. Но сначала хотел поговорить с Кронборгом, который, уже без пальто и весь трепещущий, подсыпал уголь в печку на кухне. Проходя через столовую, доктор замер и прислушался. В одной из спален пристройки, которая сейчас находилась слева, кто-то быстро, тяжело дышал. Доктор подошел к кухонной двери.

— Кто-то из детей болеет? — спросил он, кивая на перегородку.

Кронборг повесил чепельник, которым приподнял конфорку печи, и отряхнул пальцы от угольной пыли.

— Это, должно быть, Тея. Я собирался вас попросить на нее взглянуть. У нее крупозная простуда. Но я отвлекся и... Миссис Кронборг отлично справилась, а, доктор? Я полагаю, мало кто из ваших больных может похвастаться такой конституцией.

— О да. Она создана для материнства.

Доктор взял лампу с кухонного стола и без церемоний отправился в пристройку. Два пухлых маленьких мальчика спали в двойной кровати, натянув одеяла на носы и поджав пятки. Рядом на узкой кровати лежала девочка одиннадцати лет. Сна у нее не было ни в одном глазу. По подушке стелились две соломенные косички. Лицо побагровело, глаза горели.

Доктор закрыл за собой дверь.

— Сильно захворала, а, Тея? — спросил он, вытаскивая градусник. — Что же ты не позвала кого-нибудь?

Она смотрела на него жадно и влюбленно.

— Я так и знала, что вы здесь, — выговорила она, в перерывах между словами быстро втягивая воздух. — У нас новый ребеночек, да? Кто?

— «Кто»? — повторил доктор.

— Братик или сестричка?

Он улыбнулся и присел на краешек кровати.

— Брат, — сказал он, беря руку девочки. — Открой рот.

— Это хорошо, с братьями меньше хлопот, — пробормотала она, и доктор вставил ей градусник под язык.

— Теперь помолчи, я буду считать. — Доктор Арчи взял девочку за руку и достал часы. Замерив пульс, он бережно спрятал ее руку опять под одеяло, подошел к одному из двух окон — оба были плотно заперты — и чуточку приподнял раму. Потянулся вверх и провел пальцами по холодной голой стене.

— Не вылезай из-под одеял, я через минутку вернусь.

Он склонился с термометром над стеклянной лампой. Подмигнул девочке с порога и закрыл дверь.

Питер Кронборг сидел в комнате у жены, держа сверток — новорожденного сына. Бодрое сознание собственной важности, борода и очки проповедника и даже то, что он без сюртука, раздражало доктора. Он поманил Кронборга в гостиную и строго сказал:

— Ваша дочка очень больна. Почему вы меня раньше не позвали? Это воспаление легких, и наверняка не сегодня началось. Будьте добры, положите куда-нибудь младенца и помогите мне. Надо устроить ей

постель здесь, в гостиной. Ей нужно быть в теплой комнате и лежать тихо. И других детей к ней не пускайте. Вот, я знаю, эта штука открывается. — И доктор откинул спинку обитого ковром дивана. — Мы можем приподнять матрас и прямо на нем отнести девочку сюда, чтобы ей не вставать лишний раз.

Кронборг моментально проникся тревогой. Вдвоем с доктором они взяли матрас и отнесли больную девочку в гостиную.

— Кронборг, мне нужно сходить к себе и принести лекарство. Аптека уже закрыта. Следите, чтобы Тея не сбрасывала одеяло. Я скоро вернусь. Помешайте в печке и подбросьте угля, только не слишком много — я к тому, чтобы он сразу занялся. Еще найдите мне старую простыню и положите ее к печке греться.

Доктор схватил тулуп и торопливо вышел на темную улицу. Городок еще спал, и холод был ужасный. Усталый и замерзший доктор находился в немилосердном расположении духа.

— Подумать только! — бормотал он. — В его-то годы и быть таким ослом! Седьмой ребенок! А о девочке и думать не думает. Старый дурак! Младенец как-нибудь сам вылез бы на белый свет — они это умеют. А вот такая милая малютка — она стоит целого выводка. Откуда что взялось, как говорится...

Он вошел в Дьюк-Блок и взбежал по лестнице на второй этаж, к себе в клинику.

Тея Кронборг тем временем удивлялась, отчего это вдруг очутилась в гостиной. Здесь разрешалось ночевать только гостям, обычно заезжим проповедникам.

Она пережила несколько минут растерянности, когда не видела ничего, а потом пришла в восторг, поняв, что вот-вот должно произойти что-то необычное и приятное, и разглядев все вокруг в красном свете раскаленных слюдяных боков печки: никелированные детали самой печки, картины на стенах, которые казались девочке очень красивыми, цветы на брюссельском ковре, «Ежедневные этюды» Черни, открытые на пианино. Тея на время забыла даже о новорожденном братике.

Она услышала, что открылась входная дверь, и догадалась, что приятное, которое должно случиться, — это сам доктор Арчи. Он вошел и стал греть руки у печи. Потом повернулся к девочке, и она, слабая, бросилась к нему, наполовину выпав из кровати. Не поймай ее доктор, она бы упала на пол. Доктор дал ей лекарство и ушел за какой-то нуждой на кухню. Тея задремала и даже перестала сознавать, что он здесь. Когда она снова открыла глаза, он стоял на коленях перед печкой, размазывая большой ложкой по белой тряпке что-то темное и липкое; может быть, тесто? Потом Тея почувствовала, что доктор снимает с нее ночную рубашку. Он обернул ей грудь горячим компрессом. Еще обнаружили какие-то лямки, которые доктор пристроил ей на плечи. Затем он достал иглку с ниткой и принялся зашивать девочку в тряпичную сбрую. Это показалось Тее ужасно странным, она решила, что, видимо, спит, и сдалась сну.

С момента возвращения доктора каждый вздох давался Тее со стоном, но она сама этого не осознавала.

Она не чувствовала, что ей очень больно. В редкие минуты, когда Тея вообще приходила в сознание, она была словно отделена от тела, будто сидела сверху на пианино или на висячей лампе и смотрела, как доктор зашивает ее в кокон. Ощущение было поразительным и не насыщающим, как сон. Ей хотелось проснуться и посмотреть, что происходит на самом деле.

Доктор радовался, что убедил Питера Кронборга не путаться под ногами. Удобнее заботиться о девочке, если она всецело в его распоряжении. Своих детей у доктора не было. Он был очень несчастлив в браке. Приподнимая и раздевая Тею, он думал про себя, как прекрасно тело девочки — словно цветок. С такой точностью и нежностью вылепленное, мягкое, молочно-белое. Видимо, Тея унаследовала цвет волос и шелковистую кожу от матери. Она истинная маленькая шведка. Доктор Арчи не мог не думать о том, как берег бы такое сокровище, будь она его дочерью. Ручки такие маленькие и такие горячие, и еще такие ловкие — он покосился на ноты, открытые на пианино. Зашивая девочку в льняную обертку, он аккуратно вытирал по краям там, где начинка компресса попадала на кожу. Он надел на Тею чистую ночную рубашку, предварительно согретую у печки, и подоткнул одеяло. Отводя назад спутанные волосы Теи, упавшие на брови, он задумчиво потрогал ее лоб кончиками пальцев. Нет, ее голова ничем не отличается от любой другой детской головки, хотя доктор был совершенно уверен, что эта девочка не похожа на всех остальных детей. Он пристально смотрел на широкое раскрасневшееся лицо, веснушчатый нос,

свирепо сжатый маленький рот и нежный, деликатный подбородок — единственную черту, смягчавшую словно вырубленное топором скандинавское личико. Будто добрая фея-крестная погладила девочку по лицу и оставила ей памятку, загадочное обещание. Обычно Тея ходила со сдвинутыми бровями, словно бросая вызов окружающему миру — но только не в присутствии доктора Арчи. Ее привязанность к доктору была одной из самых прекрасных мелочей среди всех составляющих его жизни в Мунстоуне.

За окнами посерело. На чердаке и на задней лестнице послышался топот, потом вопли:

— Отдай мою рубашку! Где мой второй чулок?

«Надо побыть тут, пока они не уйдут в школу, — подумал доктор, — иначе они всей ватагой набьются сюда и не дадут ей покоя».

II

Следующие четыре дня доктору Арчи казалось, что пациентка проскользнет у него меж пальцев, несмотря на все усилия. Но этого не случилось. Напротив, она поправлялась очень быстро. Как заметил ее отец, она, видно, унаследовала «конституцию», которой он не уставал восхищаться в ее матери.

Как-то днем, когда новому братику уже исполнилась неделя, доктор пришел к Тее и нашел ее удобно